

П. И. Колесник, Коцюбинський — художник слова

(Видавництво „Наукова думка“, Київ 1964. 534 стор., портрет Коцюбинського.)

Творчество выдающегося писателя-новеллиста М. М. Коцюбинского настолько богато и многогранно, что постоянно привлекает интерес исследователей. В течение последнего десятилетия многие литературоведы уделяли внимание жизненному пути и творчеству этого украинского писателя. Л. Д. Иванов¹ обратил главным образом внимание на биографию Коцюбинского в монографии, выпущенной в 1956 г. Н. Л. Калениченко — в книге „Михайло Коцюбинський“² — стремился показать развитие писателя, уделяя столько же внимания творчеству, сколько жизни Коцюбинского. З. Коцюбинская-Ефименко³ поставила целью своего исследования мастерство писателя. Нельзя здесь перечислить всех трудов, касающихся жизни и творчества Коцюбинского, не возможно отметить все статьи напечатанные о нем в журналах за последние годы. Но хотя литература относящаяся к Коцюбинскому весьма обильна, монография П. И. Колесника отнюдь не лишняя. Выпустил ее Институт литературы им. Т. Г. Шевченко Академии Наук УССР по случаю сотой годовщины со дня рождения Михайла Михайловича Коцюбинского.

В чем же достоинства обширной книги Колесника? Его книга не расширяет наши знания жизни и творчества писателя новым материалом, но автор подвергает тщательному анализу уже известные материалы и толкует их по-новому. Уже в начале книги он опровергает „легенды“, относящиеся к детству, юному возрасту и началу литературной деятельности Коцюбинского. Эти „легендарные“ сведения традиционно входили во все исследовательские работы, в которых утверждалось, что Коцюбинский был с самого начала революционным демократом. Колесник показывает, на каких шатких основах лежат такие утверждения, пренебрегающие принципом развития личности.

Колесник в своем труде обращается полемически против мнения тех литературоведов, кто считал Коцюбинского импрессионистом. Это были почти все критики творчества писателя в дооктябрьский период и даже многие литературоведы после Великой Октябрьской революции. Сопоставляя фактический материал о жизни и трудах Коцюбинского с тезисами таких литературоведов, как Ефремов, Музичка, Козуб, Шамрай, автор убедительно показывает несостоятельность доказательств этих исследований. Интересно именно его утверждение, как поверхностно читались и толковались письма писателя, в которых он говорил о своем отношении к современным европейским, а именно скандинавским и французским писателям. Колеснику в данной работе удалось убедить читателя, что Коцюбинский был очарован не декадентными настроениями и бесполовой философией Стриндберга, Гарборга, Гамсуна, Метерлинка, Золи и др., но их пронизательной психологией и тонким стилистическим искусством. Коцюбинский соблюдал всегда в своих произведениях основы реализма. Справедливо указывает Колесник на выражение писателя: „я маю здоровий смак і знаю межі реалізму“.

Дело в том, что творческое искание писателя и его стремления художественно преодолеть эпическо-повествовательную манеру реализма старого типа, представителями которого были П. Мирный, И. Нецуй-Левицкий и И. Франко, привели многих критиков к заключению, что Коцюбинский был не только импрессионистом, но даже и аполитическим писателем. Несостоятельность таких утверждений буржуазных критиков типа А. Лебидя и др. убедительно показана Колесником. Коцюбинский в период творческого перелома (по мнению Колесника в 1901—1902 гг.) не перешел на позиции декадентного натуралистического импрессионизма, равнодушного к действительности, а заменил старый реалистическо-повествовательный метод новым методом — социально-психологическим. Именно в этом Колесник видит вклад Коцюбинского в прогрессивное развитие украинской литературы. На стр. 421 он пишет: „Для Коцюбинського суть літературного новаторства полягала не в нігілістичному ставленні до надбань класичного реалізму, а в умінні художника зламати і творчо подолати опір тих засобів мистецької виразності, які, ставши традиційними, претендували на непорушність усвячених канонів і тим самим ставали гальмом у розвитку літератури.“

Наблюдения Колесника над отдельными произведениями Коцюбинского характеризуются определенной тонкостью. К лучшим образцам таких наблюдений принадлежит сопоставление повести Коцюбинского „Тени забытых предков“ с трагедией Шекспира „Ро-

¹ Л. Иванов, Михайл Коцюбинський (Критико-биографический очерк.) Государственное издательство художественной литературы. Москва, 1956.

² Видавництво АН УРСР. Київ, 1956.

³ З. Коцюбинская-Ефименко, М. М. Коцюбинский. (Мастерство писателя.) Советский писатель, Москва, 1959.

мео и Джульетта". Автор сопоставляет оба произведения лишь для того, чтобы ярче выступили все своеобразные черты повести Коцюбинского, построенной на фольклорном гугульском материале. И здесь опять необходимо было бы отметить, что автор не ищет источников повести (они, конечно, давно найдены), а говорит только об импульсах ее написания, включает как-то незаметно сюжет в связь с мировой литературой, но самое главное — это художественно-идейный анализ повести, показание ее достоинств, являющихся результатом умного применения художественных средств в разработке сюжета.

Важным и интересным является исследование взаимосвязей Коцюбинского и Горького. Оба выдающихся писателя дружили, и будучи оба революционерами, поддерживали, как говорит Колесник, „идейно-эстетический контакт". По мнению Колесника никакой зависимости Коцюбинского от Горького не было, хотя тематическая близость рассказов украинского писателя „Невідомий" и „Резопа grata" и Горького „Жизнь ненужного человека" внушала некоторым литературоведам мысль о влиянии Горького на Коцюбинского. Свое мнение Колесник обосновывает глубоким анализом и сравнением упомянутых произведений.

Говоря о книге Колесника, нельзя не подчеркнуть ее необыкновенную композицию. Обычно литературные монографии начинают по трафарету: если не уже главой о политических, экономических и общественных условиях эпохи, то по крайней мере главой о развитии жанра в родной и мировой литературе. Колесник, однако, от таких обзорных глав в своей книге отказался, но не отнесся небрежно к всестороннему освещению эпохи и развитию украинской прозы. Эти факты и сведения он соединил органически с анализом творчества писателя и достиг, работая этим методом, удивительных результатов: его книгу читаешь с первой и до последней страницы с интересом и напряжением, все положения автора убеждают читателя в своей верности.

Книга Колесника состоит из девяти глав, в которых автор соблюдает хронологию творческого роста и развития М. Коцюбинского, начиная с его детства и доводя до последних трудов. Колесник здесь оказывается блестящим аналитиком. Но, желая подытожить результаты аналитической работы, автор не умеет быть синтетически сжатым и точным. Предпоследняя глава „В мире идей и образов" по намерению автора должна была ввести читателя в творческую лабораторию писателя, определить не только отдельные периоды его творческого развития и идейного роста, но главным образом посвятить читателя в творческий процесс писателя, показать отдельные этапы этого процесса от зарождения идеи произведения до ее словесного воплощения, проследить ход мыслей, возникновение образов, использование стилистических средств. Это все, конечно, автором выполнено. Однако он не сумел избежать здесь полемики, сопоставлений и анализа, место которых должно быть в предыдущих главах.

Несмотря на то, труд Колесника незауряден. Автор прекрасно знает материал. Он оказывается знатоком не только родной и русской, а также зарубежной литературы. Он блестящий полемист, опровергающий ошибочные взгляды своих предшественников без шума, спокойно и толково, но убедительно. Ясная и точная речь Колесника вытекает из его ясного мышления. Его книгу читаешь не утомляясь, хотя она объемистая и требует сосредоточенного внимания. Кажется, что книга Колесника о Коцюбинском лучше всех до сих пор написанных монографий о великом украинском писателе.

Все-таки нельзя умолчать об одном довольно неприятном недочете. Книга Колесника научная и насчитывает 534 страницы текста. Но ориентация в ней очень трудная из-за отсутствия указателя имен. Для читателя был бы полезным не только указатель имен, но также и предметный указатель.

Мечислав Кргоун

M. S. Gorjačkina, Satira Saltykova-Ščedrına (Prosvešćenije, Moskva 1965, 236 stran).

Kniha M. S. Gorjačkinové je další studií o životě a díle satirikově; další, nikoli však nová. Po objevených pracích Elsbervých, Pokusajevových a Bušminově, věnovaných umělecké metodě Saltykova-Ščedrına, a po důkladné biografické monografii Makašinově nepřináší tato studie ani nový přístup k předmětu, ani nové řešení problémů, ani nové hodnocení jednotlivých spisů, ani — v podstatě — nový materiál.

O Saltykovu-Ščedrínově publikovala Gorjačkinová knižně již několik prací (roku 1952, 1954, 1959), které byly vydány k popularizačním nebo školským účelům. Těmž účelu má sloužit i tato kniha, která podává konvenčním způsobem souhrnné poučení o Saltykovově díle a životě, o jeho době a jeho významu pro ruskou literaturu. Monografie nemá jednotnou koncepci: místy působí jako popularizační příručka, která předpokládá čtenáře málo obeznaměného s daným předmětem